

2. Вучэбная праграма для ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання : Беларуская літаратура. V—XI класы. Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2010. 127 с.
3. Бельскі А. І., Цітова Л. К. Беларуская літаратура: вучэб. дапам. для 6-га кл. агульнаадукац. устаноў з беларус. і рус. мовамі навучання. Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2010. 320 с.
4. Там жа. С. 141.
5. Васілевіч А. Сябры // Горкі ліпавы мёд : апавяданні. Мінск : Маст. літ., 2011. С. 46—53.
6. Там жа. С. 47.
7. Там жа. С. 47.
8. Там жа. С. 47.
9. Там жа. С. 49.
10. Там жа. С. 49.
11. Там жа. С. 49.
12. Там жа. С. 50.

Матэрыял паступіў у рэдакцыю 10.05.2015 г.

УДК 82.0

И. И. Анищик

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

АНАГРАММАТИЧЕСКИ ПОСТРОЕННЫЙ «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

Введение. В контексте лингвистических исследований фоники стихотворной речи значимое место занимают анаграмматически построенные тексты. Анаграмма предполагает рекуррентные повторы звуков (фонем) и их комбинаций, которые моделируют ключевое слово поэтического текста. Представляя собой древнейший способ семантизации фонических фигур, анаграмма прочно удерживает позиции в литературных и фольклорных традициях, различных во временном и пространственном отношении. Автор фундаментальных анаграмматических исследований В. Н. Топоров полагал, что анаграмма «выступает как средство проверки связи между означаемым и означающим» [1, с. 193].

Основная часть. В ряду анаграмматических построенных русского стиха определённый научный интерес может представлять «петербургский текст» (далее — ПТ), который предполагает всю совокупность текстов о судьбе Петербурга, осмысливаемой в связи с судьбой Российского государства и русской нации. Несмотря на глобальность вопросов, затрагиваемых при разработке этой темы поэтами, Петербург всегда вызывал у них и глубоко личные, часто полярные чувства: «Люблю тебя, Петра творенье!» и «Клянусь тебе, град! Рыдаю и клянусь». Видимо, способность ПТ аккумулировать концептуальное содержание через экзистенциальную призму отдельного человека обеспечивает ПТ длительное существование. Петербургская тема берёт своё начало в русской одической традиции XVIII века и получает продолжение в творчестве русских поэтов XIX—XX веков. Как интертекстуальное образование, ПТ предполагает наличие у множества текстов общих и существенных признаков. По мнению В. Н. Топорова, монолитность ПТ обеспечивается «локально-петербургским словарём», включающим названия метеорологических, ландшафтных, культурных реалий: «Этот словарь задаёт языковую и предметно-качественную парадигму Петербургского текста» [2, с. 27].

Представим некоторые результаты проведённого нами контекстного анализа фоносемантической организации ПТ русской поэзии XIX века с дополнительным применением дистрибутивного и компонентного анализа. В качестве стихотворных иллюстраций приводятся наиболее репрезентативные.

1. Петербургская тема складывается из целого ряда мотивов, амбивалентных по своей семантике. Это создаёт смысловую напряжённость и, по словам Ю. М. Лотмана, «возможность двойного прочтения “петербургского мифа”» [3, с. 212]. Перечислим некоторые из них, значимые в анаграмматическом аспекте:

– мотив основания города как священный акт, как творение города по Божьему промыслу, чудесным образом (при противоположном осмыслении — как проявление безумной идеи, как результат действия воли человека): *Есть знаменитая столица... // России всемогущий гений // Её воздвиг среди болот (Н. М. Языков); И силой творческой, в мгновение, // Болотный кряж окаменел, // Воздвигся град. И в удивленья // Свет чудо новое узрел (В. И. Романовский); Того, чьей волей роковой // Под морем город основался (А. С. Пушкин);*

– мотив канонизации основателя города Петра I, «чудесного строителя», «великого зодчего», незримо присутствующего в своем творении божества (при противоположном осмыслении — мотив

проклятия «мужа кровавого», «огромного венчанного злодея»): *Есть у Бога под луною // Много городов. Один // Чудный град — там, над Невою, // Скачет конный исполин. // Как он светел, как он ясен! // Символ Бога на земле! // Как Россия, он прекрасен! // Как она — твёрд на скале!* (И. П. Ключников); *Столицы Невской посетитель, // Кто б ни был ты — Петру поклон!.. // Из медных уст — Россия слышит — // Гремит: «Да будет свет!» — И бысть!* (А. И. Подолинский); *Великий гений! Муж кровавый! // Вдали, на рубеже родном, // Стоишь ты в блеске страшной славы, // С окровавленным топором* (К. С. Аксаков);

– мотив сакрализации города святого Петра и связанный с ним мотив вечности столицы будущей империи (при противоположном осмыслении — мотив обречённости, водной гибели и последующего забвения города и его имени): *Летами юный, ветхий славою, // Величья русского залог, // Прости, Петрополь величавый, // Невы державный полубог!* (П. П. Ершов); *Смирив враждебную стихию, // Неколебим Петрополь твой... // В тебе нам зрелась Божья сила, // И солнце славы нам зажглось* (Б. М. Федоров); *Гнездо и памятник насилья — // твой град рассыплется во прах!* (К. С. Аксаков); *А какое ж имя, дядя, // Было городу тому? — // Имя было? Да чужое, // Позабывтое давно* (М. А. Дмитриев);

– мотив противостояния Невы, воплощающей силы стихии, безумия, хаоса, и города-твердыни, символизирующего культуру, разум, порядок (при противоположном осмыслении — мотив борьбы живой водной стихии, которая мстит за насилие, и мёртвого рукотворного камня): *Нева всю ночь // Рвалася к морю против бури, // Не одолев их буйной дури... // И спорить стало ей невмочь* (А. С. Пушкин); *Пусть почву шаткую он заковал в гранит // И защитил её от моря* (А. А. Григорьев); *Помнит древнюю вражду, // Помнит мстительное море, // И, да мишенья примет мзду, // Шлёт на град потоп и горе. // Ополчается Нева, // Но от твёрдого гранита, // Не отъяв свои права, // Удаляется, сердита* (С. П. Шевырев);

– мотив города-памятника бессмертной славы Петра I (при противоположном осмыслении — мотив города-гробницы, построенного на костях, города-кладбища мёртвых и живых, невозможного для жизни): *Я вижу град Петров, чудесный, величавый, // По манию Петра воздвигшийся из блат, // Наследный памятник его могущей славы* (П. А. Вяземский); *Богатырь его построил; // Топь костями он забутил* (М. А. Дмитриев); *По стогнам города пойдешь: // Громадный, стройный и суровый, // Заснув под тучею свинцовой, // Тогда предстанет он иным, // И опоясанный гробами* (Н. А. Некрасов); *Я люблю этот город несчастный, // Это кладбище лучших людей* (П. Ф. Якубович);

– мотив города-призрака, пребывающего в тумане, дымке, мгле, сне: *Дремал в тумане Петербург* (А. И. Полежаев); *Не знал я: наяву ль или во сне // Смотрю на эти пышные громады?* (В. К. Кюхельбекер); *Задумчиво столбы дворцов немых // По берегам теснились, как тени, // И в пене вод гранитных крылец их // Купались широкие ступени* (М. Ю. Лермонтов);

– мотив одиночества в шумном и многолюдном, но немом и бездушном городе-пустыне: *Когда я вдоль реки широкой // Скитаюсь мрачный, одинокий* (Д. В. Веневитинов); *Здесь, где гранитная пустыня // Гордится мертвой красотой* (А. С. Хомяков); *С жалобным стоном волной обливается // Берег гранитной луны... // Видишь на всех отпечаток суровости, // Строгие лица у всех* (А. Ф. Иванов-Разумник);

– мотив социальных контрастов: веселье, разврат, праздность, богатство и роскошь соседствуют со страданием, непосильным трудом, бедностью и нищетой: *Город пышный, город бедный* (А. С. Пушкин); *Снуёт по улицам разгульный, праздный люд // В тревоге бледного, усталого разврата* (А. А. Голенищев-Кутузов); *Плетётся нищий, и вдовица, // И горемычный, бедный люд // Спешит на свой подённый труд* (С. Д. Дрожжин).

2. Обозначенные мотивы обнаруживают взаимную обусловленность и создают единое смысловое поле. Семантической доминантой ПТ выступает связь названия северной столицы, с одной стороны, с именем её основателя, с другой — с бытийно-сущностной характеристикой города, его судьбой и, далее, с историческим назначением России. Построенные по разным деривационным моделям наименования города в русской поэзии XIX века *Петрополь*, *Петроград*, *Петербург*, *Питербурх*, *Питер*, а также перифразы *град Петра*, *город Петра* восходят к имени Петра I. Лейтмотивное имплицитное или эксплицитное упоминание камня (гранита) служит индексом греческой этимологии имени основателя города: *Петрос* — *Петр от петра (ас)* — *скала, утёс, камень*. Соположенность Петра и камня подкрепляется евангельскими аллюзиями, напоминанием имени первоапостола Петра, являющегося небесным покровителем русского царя: *И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её* (Мф. 16: 18).

Слова *Пётр* и *гранит* оказываются для русских поэтов семантическим центром, фокусирующим все мотивы, из которых складывается петербургская тема: камень, положенный в основание строительства; камень дворцов, храмов, домов, набережных, площадей и мостовых; камень, ограждающий водную стихию и тем спасающий город от наводнения; надгробные камни городских кладбищ; камень-гора в подножии памятника Петру I скульптора Э. Фальконе; камни вместо сердец у горожан и т. д. *Гранит* выступает метонимическим наименованием города Петра, города-камня. В этой связи показательными являются слова арабского путешественника, которые А. С. Хомяков

выбрал в качестве эпиграфа к одному из своих стихотворений: *И я увидел город, где всё было каменное: дома, деревья и жители.*

3. Обладая высоким анаграмматическим потенциалом, ключевые лексемы *Пётр* и *гранит* выступают фоническим ядром ПТ, конструирующим по своему подобию контексты разной величины: стих, два соседних стиха, строфу, смежные стихи соседних строф, целое стихотворение. В дистрибутивном отношении анаграммы *Пётр* и *гранит* выступают фоноцепью, компоненты которой рассредоточены в пределах анаграмматического контекста, но собираются в единый комплекс, репрезентирующий соответствующее слово-тему.

Смысловые мотивы вводятся в текст посредством лексем, моделирующих ключевые слова повторами их консонантных и вокалических единиц <n>-<e>-<t>-<p>, <g>-<p>-<a>-<n>-<u>-<t> (по стиховедческой традиции, без учёта палатализации согласных): *берег, бесприютный, ветренный, герой, гигант-дворец, гора, горделивый, гордый, горемычный, город, грезиться, гремящий, гроб, гробницы, грозный, громады, грусть, многогрешный, ограда, огромный, памятник, первый, переспорить, печать, пир, порок, портал, построить, править, праздный, прах, предтеча, престольный, призрак, прозрачный, проклятие, простить, простой, пространство, прохлада, пустыня, сердитый, скипетр, страдать, страшный, строгий, стройный, твердыня, творенье, топор, торжественный, труд, упорный, царственный, чертог, чужестранный* и др.

Заключение. Анаграмматически построенный «петербургский текст» русской поэзии XIX века обнаруживает повышенные признаки упорядоченности и единства в содержательно-концептуальном и формально-версификационном отношении. Культивируя анаграмму как древнейший способ корреляции звучания и значения, «петербургский текст» оказывается способным сохранять и передавать традиционные, а также продуцировать новые смысловые сцепления и, следовательно, обеспечивает себе открытое и прочное существование в русской поэтической культуре.

Список цитируемых источников

1. Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 193—238.
2. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПб, 2003. С. 7—118.
3. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 208—220.

Материал поступил в редакцию 11.05.2015 г.

УДК 72

И. Г. Благодатская¹, Н. В. Шишонина²

¹ЗАО «Райффайзенбанк», Воскресенск, Российская Федерация

²Воскресенский филиал Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский новый университет», Воскресенск, Российская Федерация

ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Введение. На нашей планете не существует ни одного языка, в котором не нашлось бы заимствований. Доля заимствованной лексики может колебаться от 10 до 80—90%. Словарь русского языка содержит около одного миллиона слов, из них слов иностранного происхождения около пятидесяти тысяч. Под заимствованным словом в языкознании понимается всякое слово, пришедшее в русский язык извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконно русских слов. Вот некоторые «межнациональные» признаки заимствованных слов: 1) начальное *a* почти всегда свидетельствует о нерусском происхождении слова: *абазжур, алмаз, анкета, астра* и др. Исконно русские слова с начальным *a* — редкость; 2) наличие в слове буквы *ф* — яркая иноязычная черта; 3) сочетание *ке, ге, хе* в *ракета, кедр, герб, герой, схема, трахея*. На стыке основы и окончания (но не в корне) сочетания *ке, ге, хе*, конечно, бывают и в незаимствованных словах: *руке, песке, строке, дороге, овраге, снохе, мухе, смехе*; 4) зияние (соседство двух и более гласных) в корнях слов: *позт, дуэль, какао*. На стыке, например, приставки и корня такие сочетания возможны и в русских по происхождению словах: *поэтому, наука, неуч, захаать, поахать, приучить* и т. п.; 5) некоторые сочетания согласных: *анекдот, экзамен, рюкзаки, зигзаг* и т. д.; 6) буква *э* встречается почти исключительно